

- ⁶² Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 142. С. 289.
- ⁶³ Кучкин В.А. Происхождение... С. 25; Агоштон М. Указ. соч. С. 156–159.
- ⁶⁴ Каштанов С.М. О титуле московских государей... С. 183.
- ⁶⁵ Филлошкин А.И. Указ. соч. С. 201–202.
- ⁶⁶ Ткаченко В.А. Московские великие и удельные князья и цари. М., 1998. С. 139–140.
- ⁶⁷ Герберштейн С. Указ. соч. С. 144.
- ⁶⁸ О них см.: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 129–131.
- ⁶⁹ Мейерберг А. Указ. соч. С. 150.
- ⁷⁰ Зимин А.А. Указ. соч. С. 125–127.
- ⁷¹ Каштанов С.М. О титуле московских государей... С. 182.
- ⁷² Подробнее о «кавказской» части титула см.: Пчелов Е.В. Кабардинская земля... С. 36–48.
- ⁷³ Агоштон М. Указ. соч. С. 308.
- ⁷⁴ Каштанов С.М. О титуле московских государей... С. 183 (в договоре Василия III и Максимилиана I 1514 г.).
- ⁷⁵ Памятники дипломатических сношений... Т. 2. Стб. 691.
- ⁷⁶ См.: Пчелов Е.В. Кабардинская земля... С. 40–41.
- ⁷⁷ После «Казанского» и «Астраханского», в двух грамотах от ноября 1560 г. Константинопольского патриарха Иоасафа II о признании царского титула Ивана IV (Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 128. С. 265, № 130. С. 273).
- ⁷⁸ Он встречается даже в 1651 г. (между «Белозерским» и «Удорским») (см. ПСЗ-I. Т. 1. С. 261).
- ⁷⁹ Хорошкевич А.Л. Отражение представлений... С. 123.
- ⁸⁰ Филлошкин А.И. Указ. соч. С. 206.
- ⁸¹ Каштанов С.М. Сибирский компонент... С. 4–6.
- ⁸² Понимание иностранцами этого обозначения было совершенно различным: А. Гваньини полагал, что под ним подразумевается «Северское княжество» (см.: Филлошкин А.И. Указ. соч.. С. 208), А. Мейерберг – мифическая «Лукомория», Печора, область самоедов и Лапландия, а Я. Рейтенфельс – возможно, область самоедов и лапландцев (хотя это и не очевидно) (см.: Утверждение династии. С. 146–148, 402–405).

© 2010 г. В. А. АРАКЧЕЕВ*

ОПРИЧНИНА И «ЗЕМЩИНА»: К ИЗУЧЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ 1560–1580-х годов

Вопрос о причинах введения опричнины и влиянии опричного режима на социально-политическое развитие России до настоящего времени остается дискуссионным. Крайние точки зрения на эту проблему за последнее двадцатилетие были высказаны, в том числе, и ведущими российскими историками. А.Л. Хорошкевич обосновала внешнеполитические причины учреждения опричнины, введенной «ради продолжения непопулярной в России Ливонской войны», начатой «страдавшим сложным комплексом неполноценности» Иваном IV¹. И.Я. Фроянов сформулировал диаметрально противоположную концепцию, согласно которой опричина стала «своеобразной формой самозащиты Русского государства» от идеологической войны Запада, «подорвавшей основы православной веры, апостольской Церкви и, стало быть, зарождающегося самодержавия»². Очевидно, что изложенные точки зрения балансируют на границе научного и политического дискурсов, внося в атмосферу академических дискуссий отчетливо выраженный мифогенный элемент со свойственной ему дихотомией – противополож-

* Аракчев Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Псковского государственного педагогического университета.

ными представлениями о культурном герое либо как о воплощенном зле, либо как об эманации добра. Таким образом, историки вернулись к изначальным представлениям об опричнине, впервые выраженным ее современниками – самим царем и князем Курбским.

Итоги же сугубо научных изысканий по этой проблеме подвел А.П. Павлов. По его мнению, «опричнина являлась своеобразной реакцией царя на развитие сословно-представительных тенденций и представляла собой попытку, путем введения чрезвычайного положения, пресечь “своеволие” формировавшихся сословий и поставить существовавшие общественные институты под контроль государственной власти»³. Автор доказывает это положение анализом итогов опричной политики; такой анализ вполне правомерен, но должен осуществляться после исследования самой политики в отношении земских миров.

Цель настоящей статьи, состоящая в изучении влияния административной практики опричного и послеопричного времени на эволюцию общественно-политического строя России второй половины XVI в., может быть достигнута исследованием взаимодействия правительственного аппарата с земскими органами самоуправления. Преобразования в приказном аппарате изучались П.А. Садиковым, и фактографическая основа его работ была в сжатом виде воспроизведена в книге А.А. Зиминой⁴. Однако выводы Садикова, зачастую намеченные лишь в общих чертах, не оказали заметного влияния на последующую историографию. Н.Е. Носов, в целом высоко оценивавший работы Садикова, развивал концепцию, согласно которой именно опричнина вкуче с войной и разорением приостановила процесс возвышения «третьего сословия» в России, что в сфере городского управления привело к «сужению прав земства и подчинению его таким дворянским органам власти, как городовые приказчики и городские воеводы»⁵. Проблема взаимовлияния правительственной политики и процесса эволюции общества чрезвычайно сложна и может быть решена лишь в результате многопрофильного исследования, которое должно состоять из анализа целей опричной политики, изучения административной практики и синхронных ей общественных процессов и последующей оценки их результатов. Необходимо показать, как соотносилась территория опричнины с волостями и городами, получившими земские учреждения, предпринимались ли попытки со стороны опричного аппарата подавить «своеволие» земских миров и какие новые инструменты применялись в административной практике 1560-х–1580-х гг.

Насколько выполнены эти задачи по имеющимся в распоряжении историков источникам? Помимо комплексов актовых материалов, публиковавшихся Садиковым и, в настоящее время, А.В. Антоновым и К.В. Барановым, следует отметить исключительное значение Никоновской летописи. Парадоксально, что М.М. Кром, констатирующий «почти полное равнодушие летописей... к каким-либо внутренним мероприятиям административного характера», ссылается именно на Никоновскую летопись как образчик сочинения, создававшегося с «церковно-назидательными целями»⁶. Заметим, что, вопреки его мнению, не «разрядные книги», а именно Никоновская летопись сохранила в своем тексте изложение указов о двух ключевых преобразованиях XVI в. – о земской реформе 1552–1556 гг. и об учреждении опричнины⁷.

Оставаясь в ракурсе очерченных исследовательских задач, рассмотрим, прежде всего, летописное изложение указа об опричнине. Существенно важную часть указа занимает перечень городов и волостей, которые царь велел взять «на свой обиход и царевичев»: «город Можаяск, город Вязму, город Козелеск, город Перемышль два жеребья, город Белев, город Лихвин обе половины, город Ярославец и с Суходровью, город Медынь и с Товарковою, город Суздаль и с Шуею, город Галич со всеми пригородки, с Чюхломою и с Унжею и с Коряковым и з Белгородьем, город Вологду, город Юрьевец Поволской, Балахну и с Узолою, Старую Руссу, город Вышегород на Поротве, город Устюг со всеми волостями, город Двину, Каргополе, Вагу; а волости: Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское село, Аргунове, Гвоздну, Опаков на Угре, Круг Клинской, Числяки, Ординские деревни и стан Пахрянской в Московском уезде, Белгород в Кашине, да волости Вселун, Ошту, Порог Ладошской, Тотму, Прибуж. И иные волости государь по-

имал кормленным окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход, жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у него в опришнине»⁸.

Со времени С.Ф. Платонова исследователи обращали самое пристальное внимание на земельную политику опричнины, делая акцент на массовых конфискациях вотчин и перераспределениях поместий. С.Б. Веселовский, А.А. Зимин, В.Б. Кобрин полагали, что опричнина не привела к трансформации структуры служилого землевладения, в то время как П.А. Садиков, Р.Г. Скрынников обнаруживают зримые следы масштабных изменений⁹. Для нашей темы важно обратить внимание на другой аспект опричной политики – был ли ее следствием перелом во взаимоотношениях земских миров и государства.

А.А. Зимин отмечал важность фрагмента царского указа о «поимании» волостей «кормленным окупом», сделав поспешный вывод о том, что опричной четверти подчинялись волости «главным образом чернососного севера», фигурирующие в приведенном перечне¹⁰. С.Б. Веселовский, говоря о включении в состав опричной территории Поморья, взглянул на проблему глубже: «Зачисление этих городов в опричнину не нарушило прав земского самоуправления»¹¹. П.А. Садиков акцентировал внимание на том, что «главным источником доходов нового “особного двора” должен был стать как раз кормленный окуп за наместнич доход, который собирали со своих городов кормлено-четвертные и четвертные дьяки»¹².

Именно объяснение Садикова раскрывает прямой смысл интересующего нас фрагмента. Его грамматическая конструкция построена как расширенное дополнение списка городов и волостей: «И иные волости государь поймал кормленным окупом». Приведенная фраза означает, что помимо поименованных административных единиц, непосредственно составивших опричную территорию, «кормленный окуп за наместнич доход» на содержание опричнины должны были платить «и иные волости», не вошедшие в ее состав. Обозначение вида повинностей, которые «волости» должны были вносить в опричную четверть («кормленный окуп»), дает ответ на вопрос, какие это были «волости». Очевидно, это были административные единицы, затронутые земской реформой 1551–1556 гг., население которых должно было выплачивать кормленный окуп в качестве компенсации за освобождение от власти наместников.

Проанализируем состояние системы местного управления в городах и уездах, составивших опричную территорию, в 1550-х–1560-х гг. Последнее упоминание о кормлении в Вязме в Боярской книге 1556/57 г. относится к 31 марта 1555 г., когда с «Вяземского ключа» съехал П.А. Окинфов. В этом же году на откуп был переведен Малоярославец, с которого 20 июля 1555 г. съехал Н.З. Чеглоков, «а с Ильина дни Ярославца отдан в откуп»¹³. Н.Е. Носов обоснованно предположил, что земская реформа в Вязме и Малоярославце была осуществлена¹⁴.

Отсутствуют прямые данные о земской реформе в Медынском уезде и Балахне, однако Медынский губной наказ от 25 августа 1555 г. содержит обращение к старостам, сотским, пятидесятским и всем крестьянам уезда, из чьей среды, видимо, избирались в помощь губным старостам целовальники¹⁵. Посадское население Балахны до 1570-х гг. обладало уставной грамотой, упомянутой в Описи царского архива: «две грамоты уставные: Ивангородская, по Иванову письму отдана Путилу, да Балахонская – взяты, потому что отставлены». Носов предположил, что речь идет об уставной грамоте наместничьего управления, «отставленной» именно в результате земской реформы 1555 г.¹⁶ Нет прямых данных об отмене кормлений в перечисленных в указе волостях Московского, Коломенского, Кашинского уездов. Тем не менее, в результате исследования Боярской книги Носов пришел к выводу о том, что переход на откуп посадов и волостей этих уездов был осуществлен в 1555–1556 гг.¹⁷

Непосредственных данных о земской реформе в Суздальском уезде в 1550-х гг. нет, но крупнейший посад этого уезда – Шуя – получил земские выборные органы в годы правления Ивана IV. Об этом недвусмысленно говорится в уставной грамоте посаду Шуи 7 июля 1606 г.: «Была у них блаженная памяти государя царя и великого

князя Иван Васильевича всеа Русии жалованная уставная грамота». Содержание новой шуйской грамоты типично для земских грамот середины XVI в.; в числе прочих функций земских судей упомянута обязанность собирать и присылать в Четвертной приказ «наши четвертные доходы за наместничьих пошлинных людей доход и за присуд»¹⁸. Эти налоги, уже не названные в грамоте «кормленным окупом», являются свидетельством осуществления земской реформы 1550-х гг. в Шуге и, возможно, в других волостях Суздальского уезда.

В Старой Руссе, богатейшем посаде Новгородской земли, земская реформа была проведена в 1554/55 г., что следует из записи в Боярской книге о получении С.Ф. Нагаевым «ис писчие в Русе откупу 50 рублей 63 (года. – *В.А.*)»¹⁹. В двух других волостях Новгородской земли, Оште и Ладого, наместничье управление также было поставлено под контроль земских старост осенью 1555 г.²⁰ О земских учреждениях в волостях и городах Поморья – Двинской земле, Ваге, Тотьме, Устюге, Вологде – хорошо известно по уставным грамотам и актовой документации второй половины XVI в. Важская земля получила уставную грамоту еще в марте 1552 г., Двинская земля – в сентябре 1556 г., Тотьма была переведена на откуп с 1 октября 1555 г. Устюжские волости переходили на откуп в течение 1555 г., в частности, Усецкие и Заецкие волости получили уставную грамоту 15 октября 1555 г.²¹ Носов, исследуя ход земской реформы в Вологде, ограничился сообщением Боярской книги о таком виде кормления, как «правда», высказав мнение, что «сделать ... какое-либо заключение о времени проведения в Вологодской земле земской реформы нельзя»²². Между тем, указание о деятельности в Вологде выборного старосты Ивана Львова и целовальников содержит царская грамота, датированная мартом 1555 г.²³

В перечне городов и волостей, составивших территорию опричнины, наличествуют административные единицы, по которым нет других источников об осуществлении земской реформы в 1550-х гг. Это Можайск, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Галич, Юрьевец Повольский. Решаемся утверждать, что причиной отсутствия таких сведений может быть, во-первых, крайне слабая сохранность актовой документации, отражавшей осуществление правительственных мероприятий второй половины XVI в. Можно считать доказанным, что в ходе реализации Уложения о кормлениях и службе 1555/56 г. было составлено несколько книг, аналогичных по содержанию фрагментарно сохранившейся «Боярской книге» 1556/57 г.²⁴ Во-вторых, перевод волостей и городов на откуп далеко не повсеместно сопровождался ликвидацией института наместников, поскольку земская реформа носила фискальный, а не политический характер²⁵. Поэтому во исполнение указа о введении опричнины на содержание новых структур «кормленный окуп» мог взиматься и с других городов и волостей, где земские учреждения сосуществовали с наместниками. В этом указе результаты земской реформы не только не ставились под сомнение, но, наоборот, вошли в новую систему в качестве ее органичной основы.

Изложенный вывод побуждает иначе взглянуть и на другую проблему – взаимоотношений опричных властей с местными земскими мирами. Крупнейшей опричной территорией с развитой системой земского управления была Двинская земля. Обширные судебные и фискальные полномочия, предоставленные выборным властям Двины, далеко не всегда использовались земскими старостами и судьями во благо. Как свидетельствует царская грамота выборным судьям Макару Григорьеву с товарищами от 25 апреля 1558 г., прежние земские судьи Степан Окулов и Поздняк Негодяев, явившись в Москву по искам о «насилъстве» и кабальных долгах, не представили судебных списков и бежали из Москвы вместе с ответчиками²⁶. Документ демонстрирует отсутствие согласия в торгово-промышленной среде Двины, представители которой вели бескомпромиссную борьбу за промысловые угодья.

Эти естественные интересы двинских «торговых мужиков» в полной мере проявились в годы опричнины. В исследованиях Садикова представлена впечатляющая картина событий 1568 г., связанных с так называемым «правежом» Басарги Федоровича Леонтьева. Одним из доходнейших видов промысла двинян была ловля красной рыбы

на Кольском и Карельском побережье Белого моря. Там располагались земские волости и посады Варзуга, Шуя, Кемь, Кандалакша, Умба, как русские жители которых, так и аборигенное население – «лопари» – также обладали своими промысловыми участками. Конфликты из-за владения угодьями были сопряжены еще и с фискальными проблемами, поскольку, занимаясь промысловым ловом на земской территории, двиняне платили налоги, в том числе «десятую рыбу семгу», в опричную четверть дьяка Дружины Володимерова.

Как обоснованно предположил Садилов, «правеж» Басарги был инициирован верхами промышленников-поморов, прежде всего Истомой Бачуриным, чьи представители доминировали в выборной администрации Двинской земли²⁷. Об этом аспекте экспедиции Басарги, с несущественными неточностями в датах, красочно повествует голландский путешественник Симон ван-Салинген. «В 1568 г., когда началась опричнина, жители Холмогор, принадлежавшие к опричнине великого князя, пожаловались великому князю на то, что жители Варзуги завладели их вотчиной, отчего произошел раздор... Тогда из Москвы был отправлен некто по имени Басарга Федорович с несколькими дворянами и челядью оштрафовать вместе с варзужанами деревни Шую, Кемь, Кереть, Кандалакшу и Умбу..., и упомянутый Басарга собрал несколько тысяч рублей с вышеназванных деревень»²⁸. Опрошенные в 1573–1574 гг. старцы двинских монастырей свидетельствовали: «А про Варзускую, господине, волость слышали еси слухом: запустела от гладу и от мору и от Басаргина правежу. А про дворы, господине, неизвесно нам, хто Варзуские волости дворы секл и развозил». Плодами победы над земскими волостями в полной мере воспользовались торгово-промышленные верхи Двинской земли, добившиеся проведения межевания, по результатам которого «теми всеми угодья» стали промышлять двиняне²⁹.

События 1568 г. в Поморье следует расценивать в контексте известных в науке данных о взаимоотношениях земщины и опричнины в 1566–1570 гг. После завершения Земского собора во второй половине июля 1566 г. группа дворян в количестве от 200 до 300 человек передала Ивану IV челобитную с просьбой отменить опричнину. Садилов, Зимин и Скрынников полагают, что челобитчики были участниками Земского собора; Х.-Й. Торке считает это мнение не доказанным³⁰. Существенно важным представляется другое обстоятельство: в земской фронде не приняли участия 75 московских гостей и купцов, присутствовавших на Земском соборе 1566 г. Просьба об отмене опричнины исходила исключительно от служилых людей, и последовавшие репрессии против диссидентов не затронули торгово-промышленное население столицы.

В свете приведенных фактов следует рассматривать и карательный поход Ивана IV на Новгород и Псков в январе–феврале 1570 г. Поход преследовал две основных цели: пополнение опричной казны путем насильственных конфискаций сокровищ у монастырей и верхушки посада и наказание ненадежных, с точки зрения царя, местных дворян и приказной администрации. Среди 2 170–2 180 человек, погибших во время карательной экспедиции в Новгороде численно, конечно, преобладали посадские люди, в числе которых были новгородские гости Ф. Сырков и А. Тараканов. Объективно посадская община Новгорода понесла колоссальные людские и материальные потери и была ослаблена. Однако, земские органы самоуправления в Новгороде и, особенно, в Пскове продолжали функционировать в 1570-х гг. В Новгороде действовал аппарат пятиконецких старост; в Пскове существовала разветвленная система земских старост, денежных сборщиков, ценовальников в концах и сотнях³¹.

Формирование нового опричного порядка управления приняло формы беспрецедентного террора, ударившего, в том числе и по посадам и волостям. Однако в источниках нет прямых указаний на искоренение опричниками созданных в ходе реформ земских учреждений. Взаимоотношения опричных властей с земскими мирами на своей территории строились прежде всего на принципах фискального террора, когда волостям и посадам во главе с земскими старостами адресовывались нарастающие требования выплаты налогов. Однако, как показывает дальнейшее исследование, репрессивные формы фиска активно применялись и в земской части государства.

Существенно важным для этого аспекта нашей темы является изучение такого административного института как посланники. Деятельность государевых посланников исследовали Н.С. Чаев, В.И. Корецкий, Б.Н. Флоря³². Основываясь на источниках 1581–1584 гг., относящихся к Поморью, названные исследователи по-разному определяли компетенцию и функции посланников. Изучив деятельность посланников в монастырских вотчинах Поморья в 1584–1585 гг., Чаев пришел к выводу о том, что посланники осуществляли комплексные мероприятия по реализации постановлений соборов 1580 г. и 1584 г. Первоочередной задачей посланников, по его мнению, был сбор недоимок по выплатам сошных налогов и таможенных пошлин. Кроме того, посланники осуществляли «обыск» черносошных земель, перешедших в руки монастырей, и бывших земских тяглецов, заложившихся за монастыри. Закладчиков надлежало свозить на тяглые места, а ответственность за исправную выплату ими налогов возлагать на волостных крестьян³³. Корецкий, вопреки мнению Чаева, полагал, что деятельность посланников носила ограниченный характер и была «частью широких правительственных мероприятий по борьбе с закладничеством как средством избежания государственного тягла»³⁴. Флоря также определил посланников как чрезвычайных фискальных агентов правительства, которые облагали местное население экстраординарными налогами и собирали их³⁵.

Рассмотрим упоминания посланников в актах 1560–1570-х гг. и проанализируем основные направления их деятельности. Доказательность выводов в таком исследовании напрямую зависит от полноты источниковой базы: необходимо опираться по возможности на все упоминания этих агентов государственного управления. Источники о деятельности посланников можно подразделить на две группы: акты, в которых посланники лишь упоминаются наряду с другими чиновниками и акты делопроизводства самих посланников.

Начнем исследование с источников первой группы. Впервые посланники как агенты центрального правительства на местах упоминаются в приговоре о разбойных делах от 18 января 1555 г. В ст. 9 приговора описывается ситуация, когда дети боярские и крестьяне «грамот великого князя не слушают, и которых посланников посылает государь с Москвы, и к тем посланником к обыском не ездят же»³⁶. Преемственность посланников, упомянутых в приговоре 1555 г. и одноименных чиновников, упоминаемых в позднейших по времени источниках, не очевидна. Возможно, между этими понятиями существовала разница, обуславливаемая разной емкостью терминов. В то же время, изучение опубликованных актов показывает, что институт государевых посланников возник значительно раньше 1580-х гг., а действовали посланники не только на территории черносошных земель Севера России.

В ходе исследования актов Симонова, Новодевичьего, Суздальского Спасо-Евфимьева, Соловецкого, Кирилло-Белозерского монастырей удалось выявить более 30 документов, содержащих упоминания посланников. В актах Симонова монастыря посланники впервые упомянуты в жалованной грамоте от 1 августа 1565 г. в контексте с гонцами: «и гонцом нашим и всяким посланником подвод не дают». В данном случае под посланниками могли подразумеваться послы в иностранные государства, но уже в тексте указной грамоты в Соль Галицкую от 14 февраля 1567 г. содержится первое несомненное упоминание посланников как фискальных агентов. Грамоту, подписанную дьяком Андреем Васильевым, предписывалось держать «иных для наших посланников и таможников»³⁷.

Столь же недвусмысленное упоминание этой категории администраторов содержится в грамоте от 18 февраля 1569 г., адресованной городовым приказчикам во Владимир; в этом документе «земские посланники» названы в одном ряду с выборными старостами и денежными сборщиками³⁸. В указной грамоте выборному старосте и целовальникам Московского уезда от 16 марта 1569 г. содержится запрет собирать налоги в земщину с владений Симонова монастыря, а саму грамоту предписано хранить «для иных наших земских денежных зборов и всяких посланников». В грамотах 1577 г. в Бежецкий Верх и Юрьевский уезд посланники упоминаются в контексте с

городовыми приказчиками, которые взымали ямские деньги и прочие подати. Наконец, в жалованной грамоте 1584 г. на монастырские вотчины в 18-ти уездах Замосковского края, подписанной дворовым дьяком Андреем Арцыбашевым, возглавлявшим Большой приход, царь обязывался «посланников своих в тое их монастырскую вотчину для своих всяких податей не посылать»³⁹.

Таким образом, акты Симонова монастыря, относившегося к опричной территории, содержали запретительные формулы, обращенные к земским властям сопредельных земель, лежавших чересполосно с опричными. Документы, относящиеся к земщине, единичны, но среди них имеется царская грамота от 26 июня 1569 г., подписанная земским дьяком Ю. Сидоровым, которая была адресована земским старостам Заклинской засады Псковской земли. В грамоте предписывалось отделить земли Никольского монастыря в податном отношении от других владений. Этот акт предназначался для предъявления «прежним государевым посланником для государевых податей», когда «государевы посланники в ту засаду поедут по нашим наказом государевых данных денег и посошных людей правити»⁴⁰.

Аналогичные функции выполняли посланники, упомянутые в документах 1571–1572 гг., предметом рассмотрения в которых были вотчины Троице-Сергиева монастыря. Грамота от 20 марта 1572 г. в Гороховец содержала привилегию монастырским властям самостоятельно платить налоги «на Москве и в Слободе» и лишь для посланников было сделано исключение: «А коли велим з Гороховского уезда посоху збирати, и с тое их монастырские вотчины посоху збирати самим же и посланником отдавати самим, хто приедет для посохи в Гороховской уезд збирати»⁴¹.

В жалованных грамотах Новодевичьему монастырю посланники упоминаются в 1570-х гг. Одна из формул грамоты от 26 июля 1571 г. посвящена невзиманию с монастырских вотчин великокняжеских и «посолских кормов», а в следующем обороте говорится о том, что «наши князи и бояре и воеводи ратные и посланники и всякие ездоки в их селех и деревнях ни у кого сильно не ставятца». В этом контексте деятельность посланников определенно связана с обеспечением нужд обороны страны. В дальнейшем эта норма повторена в жалованных грамотах 1573 г. и 1575 г.⁴² Посланники в числе других государственных чиновников – городских приказчиков и мытчиков – упоминаются в указных грамотах наместникам и городovým приказчикам 1575–1582 гг., а также в жалованных грамотах 1576 г. и 1580 г. Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю⁴³. Помимо сбора налогов посланники могли выполнять и разовые поручения, как, например, государев посланник В.Н. Кочуров, который 7 июля 1576 г. продал в пользу казны «немецкий» двор на посаде Костромы⁴⁴.

Очевидно, что во второй половине 60-х гг. XVI в. (первое бесспорное упоминание – 1567 г.) в фискальной номенклатуре Русского государства появляется новое должностное лицо – посланник. Происхождение термина «посланник», видимо, связано с профессиональной деятельностью этих чиновников – сбором податей на чрезвычайные расходы, в первую очередь, на нужды обороны на местах, куда их посылали из столицы. Аналогичный административный институт существовал в средневековой Европе до XV в.; это были *missus vices gerens* – «посланники, исполняющие поручения». Они выполняли как судебные функции, так и особые поручения по сбору налогов⁴⁵. Сходство функций и даже терминологии (*missus* – посланники) административных институтов Западной Европы и России свидетельствует о принципиальном совпадении инструментария, применявшегося централизующимися государствами эпохи средневековья.

Сфера деятельности посланников хорошо видна из делопроизводственных материалов Соловецкого монастыря, в актах которого посланники упоминаются с 1573 г. Источники отмечают такую важнейшую функцию посланников, как набор посошных людей для армии. Посоху или деньги на посоху в вотчинах Соловецкого монастыря собирали следующие посланники: А.Г. Квашнин в 1573 г., Д.И. Мосальский в 1570-е гг., некий Михаил Иванович в 1578 г., В.Т. Евлашков в 1579 г., И.В. Сомов в 1582 г.⁴⁶ Однако основным родом деятельности посланников был государственный фиск.

В 1574 г. посланник Г. Секирин собирал деньги на полоняничный откуп. В 1578 г. некий посланник Андрей Иванович разбирает тяжбу по выплатам налогов между жителями Неноксы и старцами Антониева Сийского монастыря⁴⁷.

В 1580 г. посланник С.И. Фролов собирал налоги «в государеву денежную службу за плавные люди». В 1581 г. посланник И.В. Титов также собирал «государевы деньги за плавных людей». Кроме того, сохранились сведения об экстраординарных сборах 1582 г. и 1583 г., когда с Двинского уезда были взяты «государевы деньги» в размере 2 и 4 тыс. руб. В Неноксе и Лудской волости эту важнейшую акцию осуществляли государевы посланники С. Фролов в 1582 г. и З. Шестаков в 1583 г. В некоторых случаях посланников подменяли государевы дьяки. Так, в декабре 1580 г. полоняничные деньги с жителей Сумской волости взимали государевы дьяки И. Осеев и Т. Репьев⁴⁸. Посланники выполняли и разного рода чрезвычайные поручения. Указная грамота Ивана IV 1583 г. о запрещении использовать на строительстве Кольского острога крестьян соловецкой вотчины предназначалась для уведомления «приказных людей и посланников»⁴⁹.

Персональный состав посланников характеризуется отсутствием среди них представителей высших чинов Государева двора. Лишь Афиноген Гаврилов сын Квашнин входил в состав выбора по Дорогобужу и, соответственно, боярского списка 1588–1589 гг. и списка выборных дворян начала 1590-х гг.⁵⁰ Другие же посланники отсутствуют в реестрах служилых людей своего времени, что обозначает их статус администраторов низшего звена: поскольку посланники командировались в большинство уездов страны, то каждый раз было задействовано немало чиновников этого ранга.

Вторую группу источников составляют документы земских миров, касающиеся деятельности посланников, и акты делопроизводства самих посланников. 28 и 29 декабря 1584 г. датированы отписи сотников двух тяглых общин Двинской земли, в которых упоминаются мирские расходы на прием посланников: «Что приехал на Колмогоры государьской посланник Дементьян, обыскивали про обельные про монастыри, и про немцы аглинские, и про Ивана Белоборода, да что послали к тому ж земскому обыску земских людей с сотниками, и священника, и дьяка земского»⁵¹. Н.С. Чаеву удалось отыскать в собрании Белозерских актов Археографической комиссии 4 документа, которые он определил как фрагменты делопроизводства, ведшегося одним из посланников, возможно, Тимофеем Шокуровым или Дементием Яковлевым⁵². Эти уникальные источники дают возможность предметно описать положение вещей, с которым сталкивались посланники на местах, и условия, в которых проходила их деятельность⁵³.

В обыскных речах жителей Неноксы детально охарактеризована чрезвычайно запутанная ситуация с выплатой налогов, сложившаяся на соляных промыслах Поморья. Недовольство черной общины вызывала усиливавшаяся экспансия Кирилло-Белозерского монастыря и вологодских купцов Кобелевых. Так, еще в 1578 г. один из лучших людей посада Неноксы продал свой двор и соляную варницу Кирилловскому монастырю, но при этом по сошному письму двор продолжал числиться на черном тяглом месте. С 1581 г. кирилловские старцы начали скупку вновь разрабатываемых варниц, стоявших на государевой земле, черных тяглых дворов и амбаров. Посажане Неноксы были озабочены не столько самим фактом покупки тяглых мест, сколько тем, что дворы и уголья не были выделены из черных земель в особый податной округ.

«А от нас, государь, те их монастырские и Федора Кобелева черные промыслы из тягла из черных сох не выведены, и не отставлены, и мы, государь, черные тяглые остальные людшка с тех промыслов в государевых податех в земских розметех в конец загибли, платячи за тех сильных людей, за монастыри». Поскольку перешедшие в монастырь промысловые уголья находились в одном податном округе (в одной «кости») с черными, и на них не распространялись иммунитетные привилегии, монастырские власти были обязаны участвовать в волостном разрубе по выплатам налогов. Однако, к вящему недовольству ненокшан, старцы с ними «на счет ... не садились в своих черных промыслах», и за 1582–1584 гг. не доплатили в волостной разруб более 150 руб.⁵⁴

Столь запутанная ситуация была прямым следствием непоследовательной политики Ивана IV по отношению к монастырям. С одной стороны, произносились громогласные декларации со ссылкой на опыт реформации в Англии⁵⁵, с другой стороны, Грозный давал в монастыри щедрые вклады, в том числе и земельные. Отсутствие государственной воли рельефно проявлялось в продолжающемся существовании монастырских тарханов и неурегулированности податных отношений между монастырями и черносотными тяглыми общинами.

Правительство Федора Ивановича в стремлении наполнить бюджет и упорядочить сбор промысловых и прямых налогов провело церковный собор 1584 г. Важнейшие решения собора содержались в статьях приговора об отмене тарханов и запрете держать тяглых людей в качестве закладчиков в монастырских вотчинах. Закладничество подлежало безусловной ликвидации: «А митрополиту, и владыкам, и монастырем земель не покупати и закладней не держати. А хто после сего уложенья купит землю в которой монастырь, или закладня учнет за собою которой монастырь держати, и те земли имати на государя безденежно. А которые ныне закладни за митрополитом, и за владыками, и за монастыри, и те земли поимати на государя; а в денгах ведает Бог да государь, как своих богомолцов пожалует»⁵⁶. Кроме того, июльское уложение предписывало выделить земли монастырей-тарханчиков в особые податные округа, отделенные от черных земель⁵⁷. Отчаявшись бороться с закладничеством с помощью местных властей, правительство использует для этой цели специально командированных из центра агентов – посланников.

Таким образом, после кончины Ивана IV институт посланников не только сохранился: его компетенция была существенно расширена. Посланники упоминаются в жалованных грамотах, выданных правительством Федора Ивановича в июне–октябре 1584 г. Симонову и Кирилл-Белозерскому монастырям⁵⁸. Особенно интересна для нас указная грамота городовому приказчику на Белоозеро от 11 октября 1584 г., в которой подтверждалось право Кириллова монастыря платить все причитающиеся с крестьян подати непосредственно в Москве. В перечне чиновников, занимавшихся сбором налогов и «въезжавших» с этой целью в монастырскую вотчину, первую позицию занимают посланники: «В их монастырскую вотчину нашим посланником и розсылщиком и губным старостам и городовым приказщиком для наших денежных доходов не въезжати». В грамоте описана ситуация августа–сентября 1584 г., когда во исполнение решений церковного собора, «наши посланники по всем городом в их кириловскую вотчину учали въезжати, и к денежным збором и к тамгам учали кириловских крестьян выбирати»⁵⁹.

Реконструировать деятельность чрезвычайного сыскного института возможно по выписи из наказа, адресованного одному из посланников, действовавших в Поморье зимой 1584–1585 гг.⁶⁰ Перед посланниками стояли следующие основные задачи. 1. Посланник был обязан «обыскать», сколько черных земель, и в том числе промысловых угодий, на Двине перешло в руки монастырей. 2. Необходимо было выяснить, кто из тяглых людей и как давно передал монастырю черные земли и угодья. 3. Следовало исчислить размер податей, взимавшихся с утраченных черных земель. 4. Необходимо было выяснить количество закладчиков за каждым монастырем и размер выплачивавшихся этими закладчиками податей. 5. Сыску подлежали и соляные промыслы: варницы, числившиеся за монастырем, а также вид и размер налоговых поступлений в казну с каждой варницы. 6. Следовало выяснить, платят ли монастыри подати с земскими людьми по сошному письму, и помогают ли они двинянам в других земских повинностях. 7. Конечным результатом сыскной деятельности посланника было определение размера налогов, не платившихся ежегодно каждым монастырем с бывших черных земель, и таким образом надлежало определить, как много тяглые общины переплатили в казну за утраченные ими земли.

Как можно судить из данного перечня, правительство было в наибольшей мере озабочено неравномерностью в распределении податных обязанностей между тяглыми общинами и монастырями. Купив или получив в результате заклада черные угодья и

варницы, монастырские власти бесосновательно распространяли на эти земли свои имунитетные привилегии, и, прежде всего, основную – возможность платить налоги самостоятельно в Москве, не участвуя в волостных разрубках. Тяглые же общины, вынужденные платить сошные налоги в полном объеме по составленным ранее платежницам, были не в состоянии привлечь старцев к участию в волостной раскладке. Опираясь на царские жалованные грамоты, монастырские власти не пускали в свои вотчины не только городских приказчиков, но и посланников. Разрешить эту запутанную ситуацию было возможно, лишь наделив посланников чрезвычайными полномочиями по проверке владельческих прав и податной исправности тех монастырских владений, которые входили в состав земских податных округов.

Так институт посланников превратился в ключевую структуру государственного аппарата 1580-х гг. О результативности работы посланников можно судить по двум документам, датируемым 7 и 8 января 1585 г. Отпись в получении денег с Антониева Сийского монастыря свидетельствует, что посланник Тимофей Шокуров, руководствуясь наказом и росписью за приписью дьяка Андрея Щелкалова, в начале января 1585 г. «доправил» на монастырских властях государевы подати с промыслов и угодий. Одновременно, шел сыск и вывоз на тяглые места закладчиков. С земских людей посланник брал поручные записи, в которых становые люди ручались, что бывший закладчик будет жить «на государеве земли на тяглом месте» и платить подати «с становыми людьми ровно»⁶¹.

Полномочия посланников по проверке владельческих прав естественно усложняли их функции, и от времени начала царствования Федора Ивановича до нас дошли сведения о разборе посланниками земельных споров. Давно введено в научный оборот судное дело 1584 г. рязанского вотчинника Тимофея Шиловского с дьяком Андреем Шерефединовым, в котором исследователей интересовало упоминание «уложения» Ивана IV⁶². Для нас данный документ интересен в первую очередь потому, что в нем описана деятельность посланников: «Да шлюсь, государь, из виноватых в виденье на твоих государевых розсылыщиков, в город Переславль на Федора на Сухоткина, да на Ивана на Омельянова, и на твоих государевых пушкарей на Ивана на Долгово, да на Ивана на Чейкина, да на затинщика на Леву, и на их товарищев, которые с ними ездили, в том, что он ныне, государь, с твоим государевым посланником с Ъваном Скрипицыным да с Родионовым человеком Петрова сына Безнина с Васильем Дубневым, а назывались твоим государевым посланником, ко мне в вотчину в село Шилово с понятими с владычными крестьяны из деревни из Костянтинова Степаном с Окуловым и его товарищи, и ездили в вотчину в село Шилово; изымав, сковали и сковав меня, Тимошку, вели к Москве»⁶³.

Насколько видно из материалов судного дела, посланник И. Скрипицын в сопровождении группы служилых людей по прибору из Переяславля Рязанского, холопа Р.П. Безнина и понятих из архиепископских крестьян арестовали Т. Шиловского в с. Шилово, которое он считал своим и не покидал. Возможно, посланник Скрипицын и превысил свои полномочия, стремясь услужить могущественному царскому дьяку Шерефединову, но для нас важно подчеркнуть другое обстоятельство. В 1584 г. посланники хорошо известны на частновладельческих землях Рязанской земли, они действуют, опираясь на отряд местных служилых людей, прикомандированных к ним и беспрекословно выполняющих их указания. По всей видимости, нет оснований считать, что деятельность посланников была направлена исключительно на выполнение постановлений земско-церковных соборов 1580 и 1584 гг. и проходила преимущественно на монастырских и черносошных землях Севера. Посланники «строили» волости и посады Поморья, осуществляли сбор налогов и сыск закладчиков в замосковных вотчинах крупнейших монастырей, представляли интересы государства в земельных спорах. Именно посланники в 1570–1580-х гг. были призваны сократить ущерб, наносимый государственному фиску бегством и закладничеством тяглого населения.

Важнейший вопрос при анализе деятельности посланников состоит в решении проблемы их места в государственной иерархии. Каким учреждениям подчинялись по-

сланники, кто составлял указы для них и направлял их в те или иные уезды? В документах, связанных с деятельностью посланников, упоминаются известные приказные деятели того времени, среди которых особый интерес представляют Андрей Васильев, Юрий Сидоров, Парфентий Родионов, Андрей и Василий Щелкаловы. Ведомству Андрея Щелкалова подчинялся посланник Шокуров, который руководствовался наказом и росписью, заверенными самим дьяком. Другие дьяки лишь упомянуты в цитированных нами актах. Юрий Сидоров после учреждения опричнины остался земским дьяком; в земщине же, в приказе Большого прихода служил в 1569 г. Парфентий Родионов.

Трое из упомянутых дьяков – А. Васильев и братья Щелкаловы – управляли четвертями; возникшая после учреждения опричнины Земская четверть первоначально находилась в ведении дьяка Посольского приказа Андрея Васильева (1567–1570 гг.) После казни Васильева по «Новгородскому изменному делу» в 1570 г. его преемником стал дьяк Василий Яковлевич Щелкалов⁶⁴. Под управлением Василия Щелкалова в 1570–1580-х гг. находились такие территории, как Ярославль, Белоозеро, Галич и Вологда. Одновременно его брат Андрей Щелкалов в 1570 г. объединил в своих руках Казанский, Нижегородский и Мещерский дворцы. Две грамоты в Свяжск – 1581 г. и 1586 г. – были подписаны Андреем Щелкаловым⁶⁵. Акты, свидетельствующие о заведовании Щелкалова «Казанским дворцом», сохранились за период с 1577 по 1587 гг., что позволило П.А. Садикову заключить, что в звании начальника Казанского дворца Щелкалов пробыл до середины 1587 г.⁶⁶ Двинская земля до смерти Ивана IV находилась в ведении дьяка Андрея Арцыбашева; последнее указание на «Дворовую четверть» Арцыбашева относится к 1 февраля 1584 г. После вступления на трон Федора «Дворовая четверть» как территориальный приказ была наряду с другими земскими четвертями перекроена, и большинство северных областей Поморья ушло в четверть дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова. Документально финансовое управление Двиной в четверти Щелкалова можно проследить с декабря 1584 г.⁶⁷ Таким образом, деятельность посланников в Соли Галицкой, на Двине и в Поволжье направлялась из четвертей Андрея и Василия Щелкаловых.

В этой связи далеко не случайным фактом является совпадение времени образования четвертных приказов в момент учреждения опричнины и первых упоминаний посланников в актах (1565, бесспорно – 1567 г.). Будучи институтом чрезвычайного управления страной, опричина оказала влияние и на земскую систему управления, где действовали «всякие земские посланники»⁶⁸. Соотнесение фактов деятельности посланников с административной принадлежностью территорий, на которых они выполняли свои функции, позволяет заключить, что во второй половине 1560-х гг. посланники направлялись на места земскими финансовыми приказами – Большим приходом (П. Родионов) и Земской четвертью (А. Васильев). После ликвидации опричнины, которая, как считает А.П. Павлов, «препятствовала созданию четкой общегосударственной системы учреждений по управлению отдельными землями государства»⁶⁹, посланники становятся подведомственными общегосударственным четвертям. Возникновение института посланников было стимулировано опричной политикой, приведшей к чересполосице земских и опричных земель, вынуждавшей земские приказы изобретать экстраординарные формы управления.

Изложенный материал позволяет утверждать, что опричина не была антитезой «земле», но опиралась на нее. Формирование нового порядка взаимоотношений царя с подданными, конфликт Ивана IV со своим окружением, приведший к реорганизации Государева двора и выделению «опричнины» на его содержание, вынудили царя апеллировать к земским мирам, что проявилось уже в его известном обращении к жителям московского посада⁷⁰. Торгово-промышленная верхушка земских миров, как это было на Двине в 1568 г., восприняла опричные методы управления и использовала их для ущемления прав конкурентов. Земская же часть государства, являясь объектом посягательств опричников, не была носителем альтернативных тенденций в развитии общества. Именно практика работы земских приказов породила такой специфический административный институт, как посланники, чьи прерогативы были малоотличимы от функций опричников.

Примечания

¹ *Хорошкевич А.Л.* Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х – середины 50-х годов // История СССР. 1991. № 6. С. 85.

² *Фроянов И.Я.* Драма русской истории: на путях к опричнине. М., 2007.

³ *Павлов А.П.* Эволюция государства и общества в России во второй половине XVI в. (К вопросу о сословно-представительной монархии) // Russische und Ukrainische vom. 16.–18. Jahrhundert. Wiesbaden, 2001. P. 33.

⁴ *Садилов П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950; *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 364–387.

⁵ *Носов Н.Е.* Русский город в XVI столетии // Россия и Италия: Мат-лы IV конф. советских и итальянских историков. М., 1972. С. 60; *его же.* Становление сословно-представительных учреждений в России XVI в. Л., 1969.

⁶ *Кромм М.М.* К пониманию московской «политики» XVI в. // Одиссей: Человек в истории. 2005. М., 2005. С. 284–285.

⁷ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XIII. М., 2000. С. 268–269; 394–395. Ср.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. Комментарии. Л., 1987. С. 28.

⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 394–395.

⁹ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 30–31, 178–179; *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 314; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой Руси. М., 1985. С. 136–160; *Садилов П.А.* Очерки... С. 63; *Скрынников Р.Г.* Опричный террор. СПб., 1992. С. 243–261.

¹⁰ *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 379.

¹¹ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 158.

¹² *Садилов П.А.* Очерки... С. 307.

¹³ *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556 /57 г. // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 90, 85.

¹⁴ *Носов Н.Е.* Становление... С. 483, 462.

¹⁵ Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 179–185.

¹⁶ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 год. М., 1960. С. 34; *Носов Н.Е.* Становление... С. 476.

¹⁷ *Носов Н.Е.* Становление... С. 427, 432–433, 464–465.

¹⁸ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. С. 148.

¹⁹ *Антонов А.В.* Указ. соч. С. 84.

²⁰ *Аракчеев В.А.* К вопросу о географии и хронологии земской реформы 1551–1556 гг. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 47.

²¹ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты... С. 103, 134; *Антонов А.В.* Указ. соч. С. 90.

²² *Носов Н.Е.* Становление... С. 474.

²³ *Садилов П.А.* Очерки... Ч. III. Документы. № 7. С. 423.

²⁴ *Носов Н.Е.* Становление... С. 412–413.

²⁵ *Аракчеев В.А.* К вопросу о географии и хронологии земской реформы... С. 48.

²⁶ *Шмидт С.О.* Неизвестные документы XVI в. // Исторический архив. 1961. № 4. С. 153–154.

²⁷ *Садилов П.А.* Очерки... С. 198.

²⁸ *Филитов А.М.* Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 304–305.

²⁹ *Садилов П.А.* Очерки... Ч. III. Документы. № 20. С. 462.

³⁰ *Садилов П.А.* Очерки... С. 29; *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 203; *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 294; *Торке Х.-Й.* Так называемые земские соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 5.

³¹ Великий Новгород во второй половине XVI в. СПб., 2001. С. 47, 53; *Аракчеев В.А.* Земская реформа XVI века: общероссийские тенденции и региональные особенности // Отечественная история. 2006. № 4. С. 4–7.

³² *Чаев Н.С.* К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в. // Исторические записки. Т. 6. М., 1940. С. 152–156; *Корецкий В.И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 95, 110; *Флоря Б.Н.* Об установлении «заповедных лет» в России // Отечественная история. 1999. № 5. С. 121–124.

- ³³ *Чаев Н.С.* Указ. соч. С. 152–156.
- ³⁴ *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 95, 110.
- ³⁵ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 121–124.
- ³⁶ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Л., 1986 (далее – ЗАРГ). № 6. С. 34.
- ³⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря. Л., 1983 (далее – АФЗХ АМСМ). № 147. С. 178; № 157. С. 204.
- ³⁸ Там же. № 176. С. 225.
- ³⁹ Там же. № 178. С. 227; № 190. С. 237; № 191. С. 238; № 192. С. 239; № 199. С. 245; *Дьяконов М.А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 2. Юрьев, 1897. № 20. С. 18.
- ⁴⁰ Труды Псковского археологического общества. 1909–1910. Вып. 6. Псков, 1910. С. 42–43.
- ⁴¹ *Садилов П.А.* Из истории опричнины // Исторический архив. 1940. Т. III. № 59. С. 267.
- ⁴² Акты российского государства: Акты московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. М., 1998. № 128: С. 307; № 131. С. 319.
- ⁴³ *Дьяконов М.А.* Указ. соч. № 23. С. 22; № 26. С. 26; № 28. С. 29; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. № 194. С. 362; № 212. С. 389.
- ⁴⁴ *Садилов П.А.* Из истории опричнины. № 69. С. 278.
- ⁴⁵ *Шмидт К.* Диктатура. СПб., 2005. С. 67–68.
- ⁴⁶ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. № 491. С. 33; № 591. С. 80; № 651. С. 105; № 700. С. 130; № 814. С. 184.
- ⁴⁷ Там же. № 541. С. 55; № 665. С. 114.
- ⁴⁸ Там же. № 727, 728. С. 143; № 756. С. 156; № 786, 787. С. 171; № 856. С. 206–207.
- ⁴⁹ Там же. № 881. С. 220.
- ⁵⁰ *Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 247, 353.
- ⁵¹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 25. СПб., 1908. Приложение. Акты Лодомской церкви. Стб. 103–105.
- ⁵² *Чаев Н.С.* Указ. соч. С. 153–154.
- ⁵³ *Аракчеев В.А.* Из истории закрепощения в России: прикрепление к тяглу в XVI – начале XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. № 2, 3, 4, 5. С. 66–69.
- ⁵⁴ Там же. № 3. С. 67–68.
- ⁵⁵ *Горсей Д.* Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 65.
- ⁵⁶ ЗАРГ. Тексты. № 43. С. 61–62.
- ⁵⁷ *Петров В.А.* Соборное уложение 1584 г. об отмене тарханов // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 191–201.
- ⁵⁸ АФЗХ АМСМ. № 199. С. 245; Приложение. № 1.
- ⁵⁹ *Аракчеев В.А.* Из истории закрепощения в России... № 1. С. 65–66.
- ⁶⁰ Там же. № 2. С. 66–67.
- ⁶¹ Там же. № 4, 5. С. 68–69.
- ⁶² *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 39; *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси. Кн. 2. М., 1954. С. 304; *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 101.
- ⁶³ Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собр. А.И. Юшков. М., 1898. С. 206.
- ⁶⁴ *Садилов П.А.* Очерки... С. 355–358.
- ⁶⁵ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1846. № 127; Список старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Ч. 3. М., 1897. С. 228–229.
- ⁶⁶ *Садилов П.А.* Очерки... С. 359–368.
- ⁶⁷ Там же. С. 354.
- ⁶⁸ АФЗХ АМСМ. № 176. С. 225.
- ⁶⁹ *Павлов А.П.* Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 202.
- ⁷⁰ ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 392–394.